

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

КНИГА 1

В СЧАСТЬЕ ГРАДЕНОЕ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Счастье взаймы

Ульяна Соболева
Краденое счастье

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соболева У. П.

Краденое счастье / У. П. Соболева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Счастье займы)

Когда бандиты избили моего мужа за долг, банк решил отобрать квартиру, а кто-то выкрал маленького племянника и потребовал выкуп, у меня не осталось выбора – я согласилась спать с известным, женатым мужчиной и родить ребенка, чтобы расплатиться с долгами. Но я не знала, во что влезла и на какой ад себя обрекла. Я продала свое тело, а он выдрал с мясом мою душу. И меня больше не осталось. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ПРОЛОГ

– А говорила, что муж есть.

Этот акцент сводит с ума, как и тембр его голоса. Нервно сглотнула и вся сжалась, когда он обошел меня по кругу. Словно зверь, обнюхивающий свою добычу и прикидывающий, когда на нее наброситься. Соблазнительный, как сам дьявол, распущенный, искушенный и циничный. Не высокий, но очень мускулистый, с довольно смуглой золотистой кожей и глазами медового цвета, которые умели темнеть, превращаясь в угли. Обманчивая едкая красота, скрывающая нутро жестокого подонка, которому позволено абсолютно все. И это читается в циничном, откровенном взгляде.

«Кровавый король» – под этой кличкой его узнал весь мир. Арманд Альберто Альварес. Внук русской эмигрантки княжеского рода, которая вышла замуж за португальца и говорила с сыном своей единственной дочери только по-русски, отправила его учиться в Россию и отдала в большой спорт. Знаменитый футболист, звезда, порочный зверь, жестокая тварь, от которой женщины сходили с ума, бежали без оглядки и приползали обратно, как побитые собаки ползут к хозяину. Да, теперь я знала о нем все. И, нет, мне не стало от этого легче. Я пришла сюда себя продать... я – шлюха и подстилка, и со мной все можно. Замужняя шлюха и подстилка. А он – покупатель. Аукцион только начался, и продать мне придется так много, что от меня может ничего не остаться, но, если я этого не сделаю..... И я согласилась. Теперь поздно отказываться. Да мне никто и не даст – ведь часть денег я уже получила.

Мужчина рывком привлек меня к себе, и, тихо всхлипнув, я оказалась в его крепких объятиях. В руках, о которых мечтали женщины всего мира... И я могла бы мечтать, но не так, не здесь, не в этой гостинице, не за деньги.

Провел ладонью по моему позвоночнику, опускаясь к ягодицам. Мне хотелось отстраниться, хотелось оттолкнуть его, закричать, что я не такая. Что мне пришлось, что меня заставили обстоятельства... Но мужская рука сжала меня еще сильнее, и говорить расхотелось.

– Муж знает, чем ты зарабатываешь на жизнь?

Ладонь ласкает мои волосы, почти нежно, заставляя млеть и, запрокинув голову, смотреть на его красивое, смуглое лицо. Завораживает красотой, подкупает ею, дурит мозги. И уже кажется, я не могу поверить, что этот человек способен на самую изощренную жестокость. Это вранье – все, что о нем говорят, этого не может быть. Разве эти руки могут причинить боль?

– Знает, что ты берешь деньги за то, что тебя имеют во все дырки? М?

Рука задрала мое платье вверх, грубо сжав ягодицу, до боли и до синяка. Правильно. Шлюху можно не жалеть.

– Нет.

– Нет? Нет, не знает?

– Не надо так.

Мое «нет» было о другом, и он это понял, прочувствовал инстинктивно.

– А я спрашивал твое мнение? У шлюхи мнение не спрашивают. Ее еб*т. Когда я захочу, чтоб ты открыла рот, я скажу тебе об этом.

Сдавлив меня за талию, так что дышать было трудно, толкнул вперед к кровати. Из глаз чуть не брызнули слезы. Закусила губу и опустила веки, вцепившись в деревянную спинку широкой постели.

– Красивая. Идеальная. И такая порочная... испачканная... жадная шлюха. Я буду рвать тебя на части. Ты будешь кончать и плакать. Обещаю.

Снова исследует мое тело, едва касаясь кожи, по позвоночнику вниз, удерживая за волосы, собрав их в кулак. Резко повернул в бок мою голову и впился в мой рот губами. С такой силой, что я чуть не задохнулась. Не смогла удержаться и, вскинув руку, обхватила его

за шею. Ощущая, как язык глубоко скользит внутрь, как играет с моим языком, как жадно лижет мое небо, мои десна. Углубил поцелуй и, отодвинув в сторону трусики, он резко вошел в меня пальцами. Поглаживая, растягивая, раздвигая плоть, протискиваясь внутрь так глубоко, как только можно, так, что я ощутила себя насаженной на них до упора, как на крюк. Вышел и тут же снова резко вошел. С характерным гортанным выдохом мне в затылок. Он оставил меня, когда мой рот приоткрылся перед тем, как из груди вырвется стон. Дернул за волосы и безжалостно заставил выпрямиться во весь рост. Хриплый голос прошептал мне в ухо.

– А теперь ко мне повернись. Стань на колени и открой рот.

Глава 1

– Васильева, у тебя недостача – тысяча пятьсот рублей, понимаешь?

Он навис надо мной с запахом удушливого и сладкого до тошноты парфюма. В глаза не смотрю, только на его шею в вырезе свитера. На ней дергается кадык и видны светлые волоски, которые он не добрил. Модный воротник розовой рубашки настолько же чистый, насколько грязный и мерзкий его хозяин. Возомнивший себя Богом сукин сын.

– Не может быть. Я всегда пересчитываю. Всегда до последней копейки, Борис Алексеевич. Может, заново пересчитать?

От неожиданности у меня затряслись руки и стало першить в горле. Неужели они, и правда, думают, что я украла деньги?

– Нет, вы это видели? Она отрицает! Ты со мной спорить будешь? Воровка! Так и скажи, что взяла деньги!

От обиды тяжело дышать, и кажется я сейчас расплачусь, только мне не хочется доставить им такое удовольствие. Это нарочно... Зарплата должна быть после этой смены. Он нарочно, чтоб не платить. Не хочет, потому что я ему отказала, не приняла ухаживаний.

– Я и вчера ста рублей не досчитался! Вчера смолчал, и ты решила, что можно и побольше взять?

– Я вам сразу говорила, нечего брать эту ... – начальница смены смерила меня презрительным взглядом и поправила тонкий шарфик. – Она мне еще тогда не понравилась.

Только за что не знаю. Точнее, знаю – она с ним спит... с нашим женатым хозяином небольшого модного бутика «Ла Рошель» с одеждой из Турции и фальшивыми бирками от брендов. Спит и боится, что он упадет на одну из новых кассирш и вышвырнет ее саму. Как это было с ее предшественницей лет пять назад. И с первого дня Виолетта меня подсигивала. То я медленно товар отпускаю. То кассу закрыла позже, то раньше. То на перерыв часто бегаю.

– Значит так, Васильева, ты уволена. Собери свои вещи и можешь идти домой.

– Как домой?

– Давай вали, сучка наглая! Думаешь, никто не видел, как ты трусы на себя натягивала в отделе нижнего белья и прятала упаковки между ящичками?

– Это ложь! Я никогда такого не делала! По себе не судят!

– Заткнись! А то засудят тебя!

У меня все внутри похолодело. Они сговорились. Оба. Нарочно, чтоб не платить. Смотрит на меня, тварь, своими подведенными «а-ля Клеопатра» глазами и дергает гиалоурановыми губами.

– Я подожду. Ведь вечером зарплату должны дать.

– Какую зарплату воровке? Скажи спасибо, что я полицию не вызвал! Наглая дрянь!

– Я ничего не брала! Это ложь! Посмотрите в камеры!

Меня трясло от обиды и от ужаса, что мне не заплатят. Я же ради этих денег месяц пахала по четырнадцать часов. Дома с ног валилась. На ступни стать не могла, зудели так, что выть хотелось. Как я вернусь ни с чем? Как? Мне надо за коммунальные сегодня заплатить, мне надо еду купить. Димке тоже уже месяц не платят на его фирме, в которую мы вложили кучу денег. Выплаты за ипотеку уже четыре месяца не вносили. Я хотела внести хоть какую-то часть уже завтра.

– Какие камеры? Совсем обнаглела! Тут никого не было кроме тебя.

– Вот ее сумка! – Виолетта поставила мою сумочку на стол хозяина магазина, и ее тяжелая большая грудь колыхнулась в вырезе блестящей кофты.

– Я уже заглянула – там в кармане полторы тысячи лежит!

– Ах ты ж гадина! Все видели? У нее в сумке деньги ворованные!

– Как... вы мне их подбросили. Как же так?

– А ну пошла вон отсюда! Вон пошла! Не то я сейчас полицию вызову и посажу тебя, дрянь! Охрана!

Борис Алексеевич схватил меня за локоть и потащил к двери.

– Не надо было ломаться и целку из себя корчить. Была б тебе и зарплата, и все остальное. Ничего б не отвалилось от тебя. А так... вон пошла.

Меня вытолкали за дверь магазина под самый дождь, который стеной обрушился мне на голову. Я постучала в дверь магазина, пнула ее ногами, но мне никто не открыл, а наглый ублюдок показал свой сотовый.

Сволочи! Какие же твари! Я достала старенький сотовый из сумочки и набрала Диму. Длинные гудки – никто не отвечает. Наверное, занят, как всегда. И что мне теперь делать? Где деньги брать? Потрясла сумочку – только мелочь на автобус. И все! Все! Больше нет ничего!

Еще и коллекторы вчера звонили, Дима сказал. Угрожали опять. Где только нашли новый номер телефона. Я шла по мокрому асфальту к остановке и изо всех сил держалась, чтоб не расплакаться. Бросила взгляд на часы – через три минуты последний автобус. Ступила на пешеходный переход и услышала визг тормозов, а потом меня опрокинуло на асфальт с такой силой, что я проехала вперед, счесала колено и щеку.

– Божеее!

– Вы это видели?

– Девочку машина сбила!

– Ни хера себе тачка! Мазерати!

Я попыталась приподняться, но меня подхватили чьи-то сильные руки и встряхнули.

– Дура! Она не еб***т, она давит! Какого хрена прыгаешь под колеса? Бл*дь, они все здесь неадекватные? Эй! Ты в порядке?

Ругается матом с акцентом. Но грубо и очень едко. И волосы с моего лба быстро убирает. Встретилась с ним взглядом и замерла. Дождь хлещет, течет по щекам, а я смотрю в светлокариые глаза с длинными ресницами, в очень красивое лицо... красивое и чем-то знакомое. Я словно где-то видела этого мужчину, но не помнила где. Меня выбило из реальности. Я зависла.

– Давай садись в машину, а то здесь уже зрители собрались.

Легкий акцент, едва заметный. Как у человека, который провел долгое время за границей.

– Я никуда не поеду!

Но меня не спрашивали, затолкали в черную, блестящую тачку. И та сорвалась с места. Оторопевшая, ничего не понимающая и насквозь мокрая, я почему-то дернула ручку двери, но та не поддавалась.

– Выпустите меня отсюда. Немедленно! Мне домой надо!

– На ходу прыгать будешь? Прыгай.

Блокировка щелкнула, и я как раз дернула ручку, глаза округлились, когда асфальт в виде обсидиановой крошки промелькнул перед глазами. Незнакомец наклонился и силой хлопнул дверь.

– Успокойся, истеричка. Кофе со мной попьешь, договоримся и поедешь домой.

Уверенно держит руль и смотрит вперед на дорогу, а я смотрю на его профиль и вспомнить не могу, где я его видела. Эти черты лица, короткие жесткие волосы, резко очерченные скулы, чуть скривленный нос. Волосы со лба убрал, а меня током прошибло от этого жеста. Ничего ведь особенного... но взгляд на запястье, на сплетенные вены и сильные пальцы, и в горле пересохло. Рука вернулась на руль, несильно сжала. И в голове пульсирует его пошлое «она не еб***т, она давит». Никогда не позволяла себе ругаться матом, но и никогда не думала, что это может вызвать дрожь во всем теле. Меня пронизывало одновременно и возбуждением, и страхом.

– Я не хочу кофе. – пробормотала, чуть тряхнув головой. С такими нельзя куда-то ехать. С такими даже здороваться нельзя. Сожрет и не подавится. И... и меня Дима дома ждет. Наверное. Тем более, что он знает, что я ключи забыла.

– Я хочу.

Завернул куда-то в переулок. Явно неплохо знает город. «Я хочу»... сглотнула и отвернулась к окну. Дима никогда так не говорил. Он был мягким и не настойчивым. Скорее, спрашивал «ты хочешь, киса?»... Киса... Как-то омерзительно пошло и в то же время подходит мне и Диме. Но никак не этому в дорогом худи с капюшоном и мягкой, спортивной кожаной куртке.

– Мне домой надо. Меня ждет муж.

– Подождет.

Стало страшно, стало не по себе от этих безапелляционных ответов и наглой самоуверенности. Бывают мужчины, рядом с которыми сразу становится очень неудобно, тяжело, нервно. Как будто ты уже голая.

Глава 2

От мысли об этом стиснула колени и сжала пальцами сумочку. В зеркале увидела свое отражение и ужаснулась – мокрая, волосы к лицу прилипли, с размазанной тушью. Рядом с ним, как пугало огородное.

– Пожалуйста, отвезите меня домой или отпустите – я поймаю такси.

– И на каждом углу будешь орать, что тебя сбила моя машина?

– Ваша? – я не понимала, что он имеет в виду, и в машинах совершенно не разбиралась. – Какая разница, чья? Господи! Да не буду я ничего орать! Мне домой надо!

– Сильно надо?

– Сильно. Ждут меня.

– Это я уже слышал.

Усмехнулся как-то по-мальчишески задорно, и на смуглой щеке ямочка появилась. Он не русский. Я бы сказала, похож на испанца или итальянца... и акцент этот. Легкий, мягкий, но заметный. Все в нем обезкураживало, искрилось, он горел. Человек-огонь. Гипнотизирует, завораживает, притягивает. Эти глаза с наглым блеском, эти губы в постоянной усмешке. У меня Дима. И я люблю его... Дима...Дима...Дима... Боже! Ну где я его видела? Где?! Как будто только вчера и очень отчетливо.

– Плохо слышали, – сказала я и отодвинулась еще дальше, прижимаясь к окну.

– Проехали. Адрес говори.

Я бросила на него опасливый взгляд и не поверила, что все так быстро и просто сейчас закончится. Как будто стою на крыше высотного здания на самом краю и вот-вот полечу вниз. Продиктовала адрес. Какое-то время мы ехали в тишине, только музыка орала на весь салон. Прислушалась к модному хиту, прислонившись лбом к стеклу. Начала согреваться...

Ты пишешь мне письма, такие печальные...

И в каждой странице сплошное молчание...

Простые ответы, увидимся снова,

Заклею в конверты я каждое слово.

Ты уйдешь и не помотришь вслед,

а я бегу на красный свет...

Так манят облака, в чужие берега,

А я поранилась тобой нечаянно,

А я сама себя сломала пополам...

– Нравится?

Не сразу поняла, о чем он.

– Трэк нравится? Кто поет?

Знает город и не знает модные хиты?

– Светлана Лобода.

Не отреагировал. Зачем спросил, не понятно. Въехали на мою улицу – темень беспросветная. Ни одного фонаря.

– Твой муж не мог тебя забрать или встретить?

– Он допоздна работает, – огрызнулась и старалась на него не смотреть, – а у меня есть ноги.

– Я заметил. – приподнял черную, резко очерченную бровь и усмехнулся, поглядывая на мои колени и порванные колготки.

Невольно поправила юбку, которая порвалась по шву сбоку при падении. Каждое его слово резало нервы. Казалось, что любое из них имеет какой-то подтекст и намек. Все в нем орало об уверенности, что он лучший. Во всем. Это чувство превосходства читалось в каждом жесте. И взгляд колючий, цепкий.

– Коленку намазать надо. Аптечка в бардачке. Достанешь – я обработаю.

И продолжает на ноги смотреть таким взглядом, что меня от него в дрожь бросает, и щеки разрывает от прилившей к ним крови.

– Дома намажу. Как раз приехали. Остановите возле первого подъезда.

Затормозил рядом с бордюром, выхватывая фарами старое здание. Я пулей выскочила из машины. Ни спасибо, ни до свидания. Лишь бы в подъезд заскочить, и чтоб дверь закрылась. Там домофон, и он просто так не войдет. Не оглядываясь, не благодаря. Просто сбежать, скрыться, исчезнуть. У меня муж дома, я счастлива, я любима.

Я счастлива и любима. Счастлива и любима. Уже лет семь счастлива и столько же любима. Считая про себя ступеньки, спотыкаясь и чувствуя, как знобит и покрывается мурашками кожа. Скорее переступить порог квартиры и... Руку в сумку, пошарила по дну – нет ключей. Где они? Чееерт. Я же их забыла. Дернула ручку. Позвонила. Никто не открывает. Постучала – тишина. Снова набрала Диму – сбросил звонок. Или это связь такая. Не мог сбросить. А вдруг что-то случилось?

Прислушалась, но за дверью звонок не раздался. Димы нет. Он не дома. Выглянула в окно подъезда – незнакомец еще не уехал. Говорит по сотовому и ходит возле бордюра. Я набрала Нюрку.

– Прости, что поздно. Дима не звонил твоему Сашке?

– Таткааа. А он у нас. Они поздно пришли и спать завалились.

– Черт. Я же ему говорила, что ключи забыла! И телефон отключил!

– Приезжай к нам. Я думала, ты знаешь, что они вместе с Шуриком ходили пиво пить.

Да уж. Приезжай. Транспорт в это время не ходит, а у меня нет ни копейки, и стыдно просить ее такси оплатить, сами еле концы с концами сводят. Только недавно малыш родился... А Дима пока что детей не хочет. Говорит, сначала надо на ноги стать. Семь лет уже говорит. И он прав. Наверное... только когда станем, мне неизвестно. С каждым днем кажется, что мы их скоро протянем.

Снова посмотрела в узкое окно – все еще стоит внизу, болтает и пинает камень. Можно сказать, «гоняет» его по асфальту. Похож на дикого шакала. Юркий, приземистый, мускулистый и такой же опасный.

Сама не поняла, как спустилась вниз и толкнула дверь подъезда. Парень поднял голову и посмотрел на меня пронзительным взглядом. Вздернул одну бровь и отключил сотовый.

– Что такое? Тебя не дождались? Или муж выгнал?

И снова эта наглая ухмылочка с ямочкой на щеке. Зубы белые сверкают, и татуировка на пальцах притянула взгляд, когда он хрустит ими, сложив вместе и выгибая назад.

– Нет... На работе задержался, а я ключи забыла. Вы не могли бы подвезти меня в другое место?

– Такси вызови.

Выдохнула и отвернулась.

– Кошелек дома забыла.

– Он у тебя в сумке.

Стиснула открытую сумку. Глазастый и наглый черт.

– В нем пусто.

Прозвучало жалко и ничтожно.

– Ясно. Садись.

Открыл дверцу, впуская меня в теплый, пахнущий новенькой кожей салон автомобиля, стоимостью с десять моих мечт. Села на переднее сиденье и выдавила из себя:

– Спасибо.

– Адрес говори.

Пока ехали, молчал. Только один раз спросил:

– Замерзла?

– Нет.

Соврала и постаралась не дрожать. Он включил обогрев и сделал громче музыку. Постукивает пальцами по рулю. Кивает в такт ритму. Челка падает слегка на лоб. Скулы сильные сжимаются и разжимаются, смуглая кожа поблескивает в слабом освещении салона. Пока ехали, ему несколько раз позвонили. В последний это была девушка. Я не слышала, что она говорит, но слышала женский голос.

Он ответил очень раздраженно на другом языке. Действительно или испанском, или итальянском.

– Адьос! – отключился и, бросив на меня взгляд, крутанул руль. – Диос! Ла идиота!

Отшвырнул сотовый на заднее сиденье. Тот еще несколько раз зудел, но незнакомец не обращал на него внимание. Смотрел впереди себя.

Остановился у подъезда Ани, и я распахнула дверцу, чтобы выйти, но незнакомец удержал меня за руку.

– Может, встретимся завтра? Покатаемся! – выразительно посмотрел в вырез моего платья, и я сжала воротник куртки, прикрывая грудь, выдернув руку из его цепких длинных пальцев.

– Я замужем!

– Да... точно. Замужем. Как я забыл? Тебя же ждут.

Его ухмылка заставила меня задохнуться от злости. Со всей силы шваркнула дверь и зашла в подъезд. Щеки горели и жгли, и мне казалось, что меня только что по ним отхлестали.

***

– Ох ты ж бл***! Воу! Мазерати! Это Мазерати! – Аня смотрела в окно, приоткрыв рот. – Ох-ре-нет!

– Этот Мразерати сбил меня на перекрестке. А потом домой подвез.

Я склонилась, чтобы рассмотреть счесанную коленку.

– Сильно ободрала. Давай перекисью промою.

– Че не спим?

Резко подняла голову и увидела Диму в дверном проеме. Стоит без рубашки с пустой бутылкой из-под пива в руке, облокотился о косяк.

– Привет, киса. – виновато улыбнулся и помахал мне рукой. – Он тебе денег дал, да? Или нет? – улыбка пропала, и он прошел на кухню неуверенной походкой. – Надо было бабла с него срубить, ты че протупила?

Глава 3

Дима подошел к окну, распахнул его и закурил. Даже в полумраке было видно насколько красивое у него лицо. Когда мы познакомились, мне было семнадцать, и девушки сходили по нему с ума. Все, кого я знала, тяжело вздыхали, когда произносили его имя. Димка крутился и умел заработать деньги. Тогда мне именно так казалось. Развлекал толпы гостей по клубам, был знаком со всякими интересными людьми. Когда мы начали встречаться, у меня глаза широко распахивались и открывался рот от той жизни, что он вел. Вечный праздник. Днем какая-то работа, на которой он что-то там продавал несчастным покупателям по телефону и умел продать все, что угодно, вплоть до старых поношенных трусов. Подвешенный язык и харизма заставляли людей ему верить. Иногда он говорил, что его могут поймать и оторвать ему яйца за то, что он делает. И я считала, что он храбрый и ужасно рискованный.

До того раза, когда его просто уволили за то, что он обманывает клиентов, и он не ушел в запой на неделю и не проиграл все свои деньги в казино. Потом таких работ были сотни, и на каждой находился подсевший его коллега, ужасный начальник, сволочь-клиент. Деньги вроде зарабатывались, но тут же исчезали. Как и те, что нам подарил мой отец перед свадьбой, продав свою машину. У Димы тогда были очередные плохие времена – подарок пришлось вложить в какое-то дело. И мы поженились спустя полгода. Просто расписались без гостей. А потом отец умер от инфаркта. Мама прожила после него полтора года и ушла следом за ним. От горя я выла по ночам и кусала свои пальцы. Дима закрывал какие-то вопросы по работе в столице. Иногда приезжала Аня. Мы продали квартиру родителей в пригороде (так как кому нужна халупа в жопе мира, как говорил муж) и вложили эти деньги в покупку квартиры в центре. Диме так было ближе к работе, ну и он любит центр.

– Что ты такое говоришь, Митька? Ее машина сбила, коленка опухла, а ты про деньги.

Смотрит в окно, не поворачиваясь, и я уже чувствую себя виноватой. Как будто что-то натворила. За семь лет нашего брака к тридцати годам он немного изменился, набрал вес, округлился. На тренажерный сейчас денег особо нет, а меня его чуть отросший живот не смущал. Не во внешности дело, да и на лицо он очень красивый до сих пор, если не обращать внимание на мешки под глазами. А в голове картинка одна за одной – спортивная, подтянутая фигура того незнакомца с Мразерати (да, я нарочно эту супер-дупер тачку так называла) и его мускулистые руки, сильная шея, гладкая и смуглая кожа... И то, как смотрел на меня, когда я выходила из машины. Дима уже давно на меня так не смотрит.

– Понятно. Значит, надо пожалеть? Меня тоже избили, я ж не ною.

– Как избили?

Вскочила со стула, отодвигая руки Ани, и подбежала к мужу. Хотела отодвинуть его волосы с лица, но он дернулся, и я заметила у него на щеке огромный синяк.

– О Боже! – прижала руку ко рту.

– Ты зарплату получила?

Спросил, отодвигаясь от меня ближе к окну и не давая к себе прикоснуться.

– Нет... меня уволили. Виолетта, дрянь, подбросила мне деньги в сумочку, и...и они меня уволили.

– Как это уволили?

Он обернулся с искаженным лицом и уставился на меня расширенными голубыми глазами, сводящими меня раньше с ума.

– Вот так. Уволили.

– Ты...ты понимаешь, что будет? – он схватился за волосы и судорожно их смял. – Ты! Ты понимаешь, что они меня убьют? Эти...эти твари!

– Боже! Какие твари?

– Я денег должен! В бизнес вложилась, ты разве не знала? О будущем нашем заботился, позанимал на черном рынке. Ради тебя! Чтоб кольцо и шубу тебе купить, как ты хотела... а оно прогорело! Пыф! И нет денег! И меня убить хотят, ясно тебе? Я думал, что хоть с твоей зарплатой им что-то дадим!

Он орал истерически так, что Аня прикрыла дверь на кухне, чтоб он не разбудил своего шестимесячного племянника Гошку. Не помню, чтоб я просила кольцо и шубу, но разве это имеет значение, когда моего Диму хотят убить?

– Димочка, родной. Ты не нервничай... не нервничай так. У нас есть отложенные деньги на выплату по квартире. Внесем на месяц позже... возьми их и расплатись.

– Ты идиотка, да? – взвизгнул и отшвырнул мои руки. – Какие деньги? Их нет давно!

– Как нет? – я смотрела на него и хлопала глазами. – Ты же сказал, что они у тебя на бизнес-карте.

– Нет там ничего! Ясно тебе?! И даже если б и было, этого не хватит! Меня растерзают!

Я попыталась успокоиться, унять сильное сердцебиение. Ведь всегда есть выход. Всегда можно как-то выкрутиться и что-то придумать.

– Я что-то придумаю. Обещаю.

– Что ты придумаешь? Самая умная? Могла у чувака этого бабла взять. Нет. Мы гордые! Бабки не пахнут!

Развернулся и выскочил с кухни. Услышала звон ключей, и хлопнула входная дверь. Я едва сдерживала слезы, глядя ему вслед. Аня подошла ко мне и обняла за плечи.

– Тшшш, моя хорошая. Ну они, мужики, все такие, когда денег нет, переживают. Он днем пришел с Сашкой уже взвинченный. Я еще скулу ему мазала и к ребрам лед прикладывала. Испугался он сильно.

– Это я... я виновата. Надо было не ругаться на работе, а просить, чтоб заплатили мне. Что теперь делать, Ань? Те люди не успокоятся, да?

Она пожала плечами и налила мне в чашку чай.

– Саша говорил ему не брать деньги на черном рынке, но ты ж знаешь Диму...

– Знаю. – я в отчаянии сжала ладонями чашку. – А что если его, и правда, убьют?

– Что ты говоришь такое!

От ужаса у меня сердце зашлось, и стало очень холодно. Лихорадочно метались мысли, цепляясь одна за другую. Пока вдруг не появилось решение, какой-то ничтожный проблеск надежды.

– Я...я придумала. Я завтра пойду в банк и попробую взять кредит под залог квартиры. Ведь могут дать, да? Мы ж ее почти выплатили. Осталось какие-то полгода.

Я ужасно ждала, когда закончатся выплаты. Дима обещал, что мы сразу родим ребеночка, отдыхать поедem. А сейчас все деньги ипотека сжирает и бизнес его.

– Может, с Димой посоветуешься?

– Там все на меня записано. Ипотеку я брала. Он только выплатами занимался. Я тихонько все сделаю, он и не узнает.

– А где деньги взяла скажешь?

– Я потом расскажу ему. Главное, найти деньги. Дима может не согласиться квартиру заложить... он хотел после выплат ребеночка, – я закрыла глаза вытирая слезы.

– Моя хорошая. Все обойдется. И Дима остынет. Мужики они такие... Моя мама говорит, что главное, чтоб не бил и относился хорошо. Что еще женщине надо для счастья? Вон твой крутится, старается. А Сашка мой на госпредприятии ишачит. Вроде два брата... а такая вот разница. – в комнате заплакал маленький Гошка, и она побежала укачать его, чтоб Сашку не разбудил.

– Не спит микроб мелкий. Зубы лезут, так он мне ащцкие ночки устраивает.

Вернулась с племянником Димы, и я с умилением посмотрела на малыша. Как же я хочу вот так же качать своего, ласкать, кормить грудью, прижимать к себе. Как же долги эти надоели. Но Дима и слышать о ребенке не хотел. Нюра советовала мне наврать, что пью таблетки. Забеременею, и он никуда не денется, но с Димой такое не прокатит – он пользовался резинками и даже в них в меня не кончал. Попыталась вспомнить, когда у нас последний раз был секс, и не смогла. Вроде пару недель назад. Или нет? Или три недели. Не помню.

– Это кто у нас тут не спит?

Я протянула руки, и Аня дала мне младенца. Я поцеловала его в мягкий затылочек и втянула запах молока.

– Мммм, как сладенько пахнет.

– Кстати... я пока малого сюда несла, подумала о том, что кредит тебе не дадут, пока ты официально не работаешь. Тебе надо устроиться куда-то и взять там справку.

Черт! Она права. Не дадут. Кто ж безработным кредиты выдает даже под залог.

– Знаешь, есть одно место... у меня клиентка Лада, ну такая вся из себя, я тебе рассказывала о ней. У нее пять мопсов, и муж держит прачечную. Так вот, она мне вчера на маникюре говорила, что в отель «Парадайз Стар» нужны горничные. Они у Геры стирают и гладят... Ты знаешь этот отель?

– Неа... Ах ты ж маленькая бубуська.. скажи бубубу. Покажи мне зубик. Дядя. Где твой зуб?

Тискала Гошку, и даже на душе как-то легче становилось.

– Это самый крутой отель в столице. Ты что! У нас все звезды останавливаются. Недавно даже футболист один мега знаменитый приехал. Рассказывала их главная там с отеля, как после его оргий простыни от... ну ты поняла... отстирывают. Секс машина. Трахает телок пачками. С номера крики, стоны по несколько раз в день. Испанец. Животное. Арррр. Капец... у моего стоит по утрам в большие праздники. Татка, ты меня слушаешь?

– Угу... скажи Тате агууууууу. Дааа.

Гошка показывал мне свои едва прорезавшиеся два зуба и топтался ножками по моим коленкам.

– Татка! Давай я Ладе этой позвоню, и пристроим тебя в отель этот, а?

– Дяваааай. Гошка-гого-шка, маленький галошка.

– Блин, тебе точно рожать пора. Совсем от мелких дуреешь.

Снова хлопнула дверь. Дима вернулся. Нюра забрала у меня малыша и кивнула в сторону коридора, мол, иди мирись.

Я еще раз «козу рогатую» смеющемуся Гошке сделала прямо в пузико и вышла к Диме, который демонстративно на меня не смотрел.

– Дим... там же дождь, а ты куртку не надел.

– Ну заболею. Какая разница, все равно башку скоро отстрелят.

– Не отстрелят.

Обняла его сзади и тяжело вздохнула.

– Аня обещала меня на работу устроить. Да и придумать можно что-то. Иногда на новом месте аванс дают. Я прям сегодня туда пойду с утра.

Он вдруг повернул меня к себе.

– Танюшка моя... – приподнял и к себе прижал. – Прости... не хотел на тебе зло сгонять, Кис. Просто расстроился ужасно. Коленка болит?

– Немного. Все хорошо будет, вот увидишь.

Утром Нюра созвонилась с Ладой, и я счастливая ехала на собеседование. Что-что, а постели заправлять и пыль вытирать я умею. Деньги ведь, и правда, не пахнут.

***

– Вульгарно не краситься, ничего чужого не брать, по ящикам не лазить. У вас рекомендации есть?

Я стояла напротив начальницы смены и послушно кивала, сжимая сумочку и перебирая пальцами. Мне была нужна эта работа настолько сильно, что я была готова на все и согласна на все. Утром Дима взял наши кольца и мои серьги сдать в ломбард. И я думала о том, удастся ли мне вернуть их потом... Подарок папы.

– Нет... Нету. Но меня вам порекомендовала Лада Викторовна.

Рената поправила прядь рыжих волос за ухо с массивной серьгой-кольцом и нахмурила идеально очерченные брови.

– Да, точно. Ладно. В общем так, за воровство здесь очень попадает. Могут и три шкуры спустить. Кто хозяин отеля знаешь?

Отрицательно качнула головой.

– Ну вот, чтоб знала – с рук не спустят. Ментов не будет – будет очень больно.

Кивнула опять и нервно прикусила губу, глядя на начальницу.

– Работа по восемь-десять часов. Никаких опозданий, никаких прогулов, больничных и перекуров. Ты куришь?

– Нет.

– Хорошо.

Посмотрела на аккуратные часики на своем полном запястье и потом на меня.

– Значит, завтра в семь утра чтоб на смене уже была.

– Рената Андреевна! – в кабинет-подсобку с полками, заставленными тряпками, чистящими средствами, швабрами, влетела молодая женщина с короткой стрижкой в обтягивающей форме.

– Ты чего орешь, Петрова? Стучать не учили?

– Камиллу машина сбила, она в больнице. Только сейчас мужу ее дозвонилась.

Рената изменилась в лице, и я подумала, что сейчас она сильно разнервничается из-за пострадавшей девушки, но... та зло стукнула алыми ногтями по столу.

– Не вовремя, как и Егорова в отпуск ушла, а Рогову я уволила. И тут эта... Не в тему совершенно. И кого мне ставить на вип-свиты? Кого, мать ее?

– Я могу, – подала голос и тут же замолчала. Рената обернулась ко мне и приспустила модные очки.

– У тебя нет опыта. Кто-то должен учить и показывать.

– Я умею убирать, я буду стараться.

– Я ей все покажу, – Петрова улыбнулась начальнице. На меня она посмотрела и подмигнула мне.

– Да? Черт! У меня и думать особо времени нет. Альварес скоро проснется после своей оргии, и там нужно убрать. Андросович мне голову свернет, если его гость останется недовольным.

Повернулась ко мне снова.

– Значит так. Переоденешься и приступишь к работе. Лена все тебе покажет и расскажет. Какой размер носишь?

– 42 обычно.

– Там форма Роговой должна быть, я ее еще не сдала. 40 размера. Пусть втиснется в нее. Еще раз на меня посмотрела.

– Волосы собрать в хвост. Ногти покажи? – я протянула руки.

– О, нет когтей. А то потом их в наволочках находят или в простынях. Отлично. Все, приступай. Времени нет.

– А мне этот день зачтется? Вы запишете? У вас же десятого зарплата?

Недовольно посмотрела на меня.

– Еще начать не успела, спрашивает про зарплату. Посмотрим. У бухгалтера спрошу. По коридору Петрова не шла, а бежала, перебирая короткими ножками в туфлях на каблуках. Я за ней едва попевала.

– Рената нормальная. Конечно, вредная, но бывает и хуже. Главное, не бесить ее. А так она ничего так. Насчет чаевых сказала тебе?

– Нет.

– Чаевые мы отдаем им. Потом нам приплюсовывают с них пятьдесят процентов к зарплате*1. Если кто забирает чаевые и главная об этом узнает, будет трепка. Я потом расскажу, за что здесь трепка бывает... По большому счету за очень многое. Но и платят хорошо.

Мы зашли еще в одно подсобное помещение со шкафчиками, лавками и душевой.

– Здесь девочки переодеваются. Вот свободный шкафчик. Держи ключ.

Достала из кармана ключ и протянула мне. Я сжала его в ладони, а Петрова прошла к другому большому шкафу, открыла его и достала оттуда форму.

– Пока надень эту. Потом тебе закажут лично твою по твоим размерам и выдадут карточку работника. Будешь отмечать часы при входе и выходе с работы.

Постоянно кивая, я уже напоминала себе какую-то марионетку на шарнирах, а сама радовалась, что меня берут. И что, возможно, за эти дни получу десятого числа, а не в следующем месяце. Пусть Дима хоть какую-то часть оплатит этим гадам. Хоть немножко.

Натянула на себя форму: серое платье, облепившее тело и весьма короткое, надела белый фартук и белый кокошник на волосы. Платье с трудом сошлось на груди и на бедрах сидело в обтяжку.

– Маловато, но на первое время сойдет.

Посмотрела в зеркало – как стюардесса или стриптизерша какая-то. И зачем вульгарно краситься, если я и так выгляжу, как непонятно кто.

В одной из пустых комнат Лена показала мне, как менять постельное белье, как мыть ванну и туалет быстро и чисто. Попутно о чем-то болтала, а я смотрела на эту роскошь и думала о том, что никогда в жизни не могла себе позволить даже мечтать о такой гостинице. Моя первая брачная ночь прошла в съемной квартире друга Димы, и тот под утро ломился к нам в дверь, так как напился и забыл, что отдал нам ключи.

– Красиво здесь, да? Только не вздумай тырить полотенца или шампуни. На выходе всегда проверяют. Потом накажут так, что мало не покажется. Роговой... только тсс... ей руки сломали... дружки хозяина. Она украла часы у одного из постояльцев. – отвлекла от мыслей Лена. – Так. Мы сейчас пойдем убирать к Альваресу. Знаешь, кто это?

Отрицательно качнула головой.

– Та ладно! Серьезно? Ты с какой планеты? Это же знаменитый футболист. Скандально известный во всем мире. Миллионер! Красив, как Бог! Черт... ох, если б он на меня хотя бы посмотрел – я бы сдохла от счастья!

– Я не увлекаюсь футболом.

Пожала плечами.

– И что? Я тоже! Но это же мужчина мечта! Это... не знаю. Это Альварес. Его все знают. Всееее! Говорят, он у нас будет строить сеть отелей покруге Парадайза этого. Эх... взял бы меня...

Посмотрела на часы.

– Так. Идем. Вначале уберем в гостиную, он еще спит. Умаялся. Под утро от него две красотки уехали. Гламурные куклы. Всю ночь их... блин, кто б меня так, чтоб орала и захлёбывалась. Говорят, у него..., – она закатила глаза, – он иногда голый спит, потом в ванну идет при девках наших. За людей их не считает, а они... – она захихикала, – потом натирают на него по ночам. Ну ты поняла... Там есть на что. Уж поверь мне.

Рот не закрывается. Болтает беспрерывно. Да о таких вещах, что у меня вся краска к лицу приливает, и хочется, чтоб она заткнулась. Я всю ночь не спала. Я устала. Мне не до членов постояльцев отеля Парадайз.

– Он, кстати, всегда чаевые дает. Большие.

Мы зашли в номер. В глаза бросились раскиданные по полу мужские вещи, пахло приятным мужским парфюмом. На столе бутылка бренди и галстук, нож, фрукты.

На сотовый Лены позвонили, и она тихо ответила. Потом округлила глаза и посмотрела на меня.

– Так, ты тут вытирай пыль, сложи его вещи, а мне надо уйти. Я скоро вернусь. У нас форс-мажор еще один.

И ушла, а я растерянно стояла посреди роскошной залы с пушистой щеткой в руке и ведерком с водой. Ладно. Просто вытереть пыль. Это не сложно.

Но вначале сложила вещи. Они мне почему-то показались знакомыми. Как будто я их где-то видела. Повесила аккуратно на стул. Подошла к шкафчику и бару, вытереть стекло, и невольно посмотрела в приоткрытую дверь спальни. Подошла на носочках. Мужчина распластался на постели, и я видела сильную, мускулистую спину с рельефно выделяющимися мышцами и очень широкими плечами. Его кожа резко контрастировала с белым постельным бельем. На лопатках татуировка – птица, раскинувшая крылья. Она что-то держит в лапах, но поясницу прикрывает простыня, и мне не видно, что именно там набито. Но на спину я засмотрелась, двигая щеткой по тумбе туда-сюда. Мужчина пошевелился, и простыня сползла ниже, приоткрывая одну ягодицу и сильную ногу, согнутую в колене. Не знаю, как я махала своей щеткой, но умудрилась свалить вазу, и та с грохотом упала. Но, слава Богу, не разбилась.

Мужчина приподнялся, а я выпрямилась и затаилась. Он стянул свой смартфон с тумбочки и выругался.

– Мьерде!*2

Резко поднялся с постели, и я втянула в себя воздух, застыв со своей дурацкой щеткой. Мужчина стоял ко мне спиной... но никогда в своей жизни я не видела ничего красивее этого тела. Казалось, оно выбито из камня, высечено талантливым художником. Идеальное, настолько красивое, что дух захватило и в горле пересохло. Сильные сбитые ягодицы, переходящие в накачанные ноги с выступающими мышцами, узкая талия и эта татуировка с ястребом или орлом, держащим в лапах футбольный мяч.

Испанец прошел в ванну, ступая легкой, спортивной походкой, и при этом его ровная спина красиво напрягалась, как и ягодицы, от вида которых в мою голову лезли самые пошлые мысли. Я даже на мгновение представила, как эти ягодицы напрягаются и ритмично двигаются, когда он... О, Боже! Я, правда, об этом думаю? Я замужем! Меня дома Дима ждет, и у него ужасные неприятности. Идиотка! Такие, как этот миллионер, таких, как я, даже за людей не считают.

Отвернулась и принялась начищать до блеска тумбу и никуда не смотреть. Позади меня испанец говорил с кем-то по сотовому. Он двигал ящики и ругался с кем-то. Потом швырнул сотовый, и тот прокатился по полу. Я невольно посмотрела на мужчину через стекло. Видно лишь обнаженный торс и полотенце на бедрах. Смуглая кожа блестит от воды. Мышцы пресса выпукло выделяются над плоским животом, и мне издалека видна тонкая черная полоска волос, змеящаяся и скрывающаяся под полотенцем, чуть оттопыренным в паху. Я снова что-то столкнула, и на этот раз на пол упал бумажник испанца, из него вывалились пластиковые карты и какая-то мелочь. Я тут же бросилась все это поднимать. Оглядываясь на комнату.

Он шел сюда. Босые ноги, скрытые до колен махровым полотенцем, неумолимо приближались.

– Что здесь происходит? Почему у тебя мой бумажник?

Я подняла голову, стоя на коленях, и мои глаза распахнулись, а сердце дернулось с такой силой, что казалось, оно расколосось там в груди на части.

Это был он. Мой ночной незнакомец. С «Мазерати». Стоит надо мной, сложив руки на невозможно красивой груди, расставив накачанные ноги, а я смотрю на него, сжимая его бумажник и чувствуя, как у меня дух захватывает, и не могу сглотнуть, потому что с его смоляно-черных волос стекают капли воды, бегут по скулам вниз по сильной шее, и эти глаза... темные, шоколадные, бархатные с мокрыми ресницами. Он присвистнул и криво усмехнулся. Потом схватил меня за руку и рывком поднял с пола, дернул к себе, сдавливая мое запястье так сильно, что в глазах потемнело:

– Ох***ть! Ты? Или мир тесен или...

Перевел взгляд на вырез моего платья, пуговицы не все застегнуты, и я тут же опять сжала ворот дрожащими пальцами.

– Ты решила взять компенсацию сама? – выкрутил руку назад, – Ненавижу воровство. У нас за это можно без рук остаться.

– Я не воровала.

– Неужели?

Притянул к себе и осмотрел с ног до головы, продолжая мою руку держать за спиной.

– Как ты меня нашла?

---

*1 – Помним, что это альтернативная Россия. Так что в данном отеле вот так.

*2 – Твою мать (испанский, прим. автора)

Глава 4

Испанец сжимал мою руку вывернутой за спиной и смотрел мне в глаза. И я не понимала, что чувствую в этот момент. Как будто до этого никогда мужчины на меня не смотрели, или я не знала, как они умеют смотреть. А он смотрел изучая, сканируя каждую черту моего лица. И я, словно заколдованная, замерла под этим взглядом. И чувствовала, как жаростно пульсирует кровь в венах. Сумасводящая знойная красота, и в то же время в чертах проскальзывает животная жесткость и резкость.

– Чего тебе надо? Денег?

Сдавил руку еще сильнее и почти прижал к своему телу. Слово «деньги» ворвались в воспаленный мозг, и я дёрнулась в его руках, понимая, что это никак не объятия. Этот мужчина считает меня воровкой и своей чокнутой фанаткой. Или еще хуже – мошенницей.

– Мне от вас ничего не надо! Это моя работа! Работаю я здесь и кошелек ваш просто уронила.

– Кто тебе поверит? Вошла, пока я спал, и под видом уборки решила обокрасть. – опустил взгляд к моей обуви далеко не брендовой, а с рынка, посмотрел на тонкое обручальное кольцо на пальце, и глаза нехорошо сверкнули. Как будто это кольцо чем-то его разозлило. – Такая, как ты, явно нуждается в деньгах.

Смотрит свысока с чуть презрительной складкой в уголке губ. И я ощущаю себя скользким насекомым и нищобродкой в жалкой форме. Ничтожеством. И самое обидное, что так и есть. У меня нет мелочи даже пообедать, и от голода сводит желудок.

– Я сейчас вызову портъё, и мы зафиксируем факт воровства. Слышал, ваш хозяин вам за это руки ломает. По крайней мере мне так обещали, когда я ехал в вашу дыру! Обещали дешёвых шлюх, водку, чистоту и никакого воровства!

Шипит сквозь зубы, и он красив даже в гневе. Породист, шикарен и силен. Я чувствую всем существом его мускулистое голое тело в одном полотенце. «Воровство», как молотком по затылку, так, чтоб отрезвило. Снова это проклятое воровство! Это слово преследует меня. Я никогда в жизни не взяла чужого.

– Ложь! Я ничего не украла! И не успела бы даже, если бы хотела!

– А ты хотела?

– НЕТ! Я устроилась на работу, я просто убирала. Понятно?

– Мое слово против твоего, – пристально смотрит мне в глаза, – я даже попрошу присутствовать при экзекуции.

И на лице отразилось предвкушение пиршеством.

– Вас возбуждают сломанные руки и пальцы?

– Нет, меня возбуждают наказанные сучки, которые зачем-то меня преследуют! Тебе заплатили, чтоб ты что-то взяла из моего бумажника?

– У вас мания преследования? Я даже не знала, кто вы! Я первый день на работе, и мне откровенно на вас плевать!

– Так кто я, а?

В глазах появился маниакальный блеск, страшный, глубокий. Если бы я вчера такой увидела, то бежала б от него без оглядки. Красота его идеально-жуткая, уже пугает, а не привлекает. Не зря говорят, что у великих людей великие тараканы в голове.

– Высокомерный придурок, возомнивший себя важной персоной! А на самом деле мелкий ноль без палочки, разъезжающий на дорогой тачке и сделавший карьеру на допинге!

Выпала и тут же прикусила язык. Но слово уже вырвалось. Достигло цели, и испанец изменился в лице, побледнел, стиснул широкие челюсти с выпирающими скулами. А потом резко наклонился ко мне.

– От тебя пахнет лимоном. В детстве этот запах ассоциировался у меня с болезнью. – словно сам себе.

– Видно, вы часто и сильно болели. Отпустите! Вы делаете мне больно!

И не подумал разжать пальцы, сдавил еще сильнее.

– Неужели? О, малышка, ты понятия не имеешь о боли. Так что..., – его настроение менялось каждую секунду, оно не было устойчивым и постоянным, – позволю портить?

– Что вам надо от меня? Вы чего-то хотите?

– Оооо, я много чего хочу. Так много, что если бы ты услышала, то охренела бы, и твои обе дырочки между ног сладко сжались бы от страха.

Я не просто покраснела, я, кажется, стала пунцовой. Второй рукой он провел по моей щеке, и я хотела дернуться назад, но он не дал, удерживая прижатой к его телу с запрокинутой головой.

– Но я тебя пожалею. Положи мой бумажник туда, где взяла. Разденься наголо, залезь на тот стул, – он кивнул на табурет у окна, – и прочти мне стихи. Ты знаешь хоть один из вашей школьной программы? Я в детстве любил вот этот... «Я помню чудное мгновенье...»

– Вы сумасшедший? – испуганно прошептала, и в горле пересохло от этого странного блеска в его глазах. Он мне не нравился, пугал, сковывал по рукам и ногам и в то же время как-то странно завораживал.

– Да. – совершенно спокойно. – И ты пожалеешь, что нарвалась на меня, кто б тебя не послал ко мне, ты пожалеешь втройне.

– Меня никто не посылал. Отпустите. Я горничная. Всего лишь работаю в этой гостинице.

– А вчера всего лишь попала под мою машину? А сегодня просто случайно оказалась у меня в номере? Я не верю в гребаные совпадения! Отпущу, и сюда войдет портень с полицией. Идет?

Нет, не идет. Не идет, черт бы его разодрал, проклятый ублюдок. Мне нужны деньги. Нужна эта работа, нужен этот отель, потому что ничего лучше я не найду. Потому что Диму убьют, если я не принесу деньги.

– Разденься, прочти стих или спой, или станцуй. Что ты там умеешь делать? И свободна. Отпущу.

Это унижение. Он нарочно хочет меня унижить, заставить почувствовать себя никем.

– Зачем вам это?

– Мне просто скучно, а тебе не повезло. Ноль без палочки хочет развлечься, допинг вознес меня так высоко, что я могу купить с сотню тысяч таких дешевок, как ты, – опустил взгляд в очередной раз к моей груди, потом посмотрел на мои губы, – у тебя красивый рот. Пухлый, чувственный. Можешь отсосать, если не хочешь читать стихи, или стать раком, и я вы**у тебя.

Безумно красивый, знаменитый подонок, с черным и грязным ртом, которому все позволено, который считает, что может делать с людьми что угодно.

– Я замужем..., – едва шевеля губами и не веря, что это происходит на самом деле.

Дверь тихо открылась, и вошла Лена. От облегчения я чуть не закричала, но меня и не подумали отпустить.

– Пошла вон и дверь закрой. – не оборачиваясь рыкнул испанец, поглаживая мою щеку, как будто гладит собаку. – Вон, я сказал! Пусть нам не мешают!

Наклонился ко мне.

– Малышка, мне насрать на твоего мужа, насрать на тебя и даже насрать на твои дырки. Ты взяла чужое, разозлила меня, и я хочу наказать тебя. А как это произойдет – выберешь сама.

– Я ничего не брала! – чуть не плача, уже не чувствуя вывернутую руку.

– Выбирай. Я считаю до...до десяти. Прочешь стих, стать на колени и вылизать мои яйца или вызвать портъе.

Разжал пальцы, и я чуть не упала, не веря, что это происходит на самом деле. Чем я его так разозлила? Отказом? Тем, что не млею от него? Тем, что не знала, кто он? Или тем, что назвала никем?

– Четыре...пять...шесть...

Беспомощно посмотрела на дверь, потом повернулась к нему, кусая губы.

– Хватит считать, я выбрала.

Он внимательно на меня смотрел, в глазах азарт, огонь предвкушения. Его красота притягивает и отталкивает одновременно.

– Знаете, мне действительно нужна эта работа, нужны деньги. Очень нужны, но я никогда не позволю себя унизить. Зовите портъе и полицию. Я не воровка.

Тишина. Рассматривает меня, как подопытное насекомое, изучает, и вблизи он еще красивее, мужественнее. Особенно эта бархатная кайма густых ресниц, смягчающая жесткий взгляд. Ему около тридцати или чуть больше, и в чертах лица эта южная жгучесть, страстность, эмоции, которые бурлят под кожей. Есть в этом нечто завораживающее.

– Забавно.

Склонил голову на другой бок. Прищелкнул языком и разжал пальцы. Пошел за своим сотовым, поднял с пола и что-то накладал. Я стояла полумертвая от страха. Если меня сейчас уволят, это будет не только крах моих надежд – это будет грандиозный позор перед Аней тоже и перед Димой. Не знаю, как я посмотрю ему в глаза. Он прятался у Шурика и не выходил из дома.

Испанец говорил что-то на своем языке, посматривая на меня, а я изо всех сил старалась держать себя в руках и не дрожать от волнения. Он вдруг повернулся ко мне:

– Ты будешь омлет или тост с беконом?

Вот так просто? После того, как угрожал мне, заказывает завтрак в номер и спрашивает – буду ли я? Реально психопат.

– Ничего не буду. Я хочу уйти.

– Сначала окончи свою работу.

Прищурился, мой ответ явно ему не понравился. Повернулся с сотовым к окну и продолжил говорить. Я наблюдала за ним. Скорее, на автопилоте, чем нарочно. За ним было невозможно не наблюдать, потому что его тело идеально насколько вообще может быть идеальным тело у мужчины. Я даже не представляла, сколько часов этот человек проводит в спортзале. Каждый мускул настолько рельефен, что кажется, он отлит из жидкого железа или из бронзы, как статуэтки спортсменов. Но когда мужчина снял полотенце, нисколько не смущаясь, я чуть не подавилась собственным языком. Резко отвернулась, схватила щетку, бросилась к шкафчику со злополучным бумажником, потом отшатнулась от него, шарахнулась к другому шкафчику, принялась смахивать пыль дрожащими руками. Но заметить успела и полоску волос, убегающую к гладко выбритому паху, и его член, большой даже в спокойном состоянии. Щеки не просто горели, они пылали и жгли. Я не видела голых мужчин, кроме моего мужа, и вид голого тела испанца меня шокировал. Подхватив ведро, я хотела было тихо удрать из номера, дернула ручку, но тот оказался запертым.

– Откройте номер. Я хочу уйти.

– Ты еще не закончила. Ты ведь убирать пришла? Убирай.

Испанец сидел за столиком, он успел натянуть светло-голубые рваные джинсы, и, положив ноги на соседнее кресло, с нескрываемым интересом смотрел на меня. Издевательским интересом. Мне этот интерес не нравился. Так наблюдают за глупой добычей перед тем, как ее сцапать.

– Вот там под шкафом полно пыли. Вытри. У меня аллергия на пыль.

Сволочь. Под шкафом. Это мне придётся стать на четвереньки задом к нему в этом коротком платье.

– Я сжалился над тобой, не позвонил портье, не вызвал полицию. Ты сказала, что тебе нужна работа. Но ты солгала. Она тебе не нужна, потому что тебя все равно уволят. Ты бездарная горничная.

Стиснув челюсти, я намочила тряпку в воде и, став на колени, принялась вытирать пыль под шкафом. В полированной поверхности я видела его отражение, как он склонил голову и смотрит на мой зад, потирая подбородок большим пальцем.

– Еще дальше, у самой стенки целые хлопья. Давай. Работай.

Наклонилась ниже, одергивая одной рукой платье, а второй пытаюсь достать до плинтуса, и он вдруг мерзко присвистнул.

– О, да, тебе реально нужны деньги, в таких трусах не ходит даже моя бабушка.

Вынырнула из-под шкафа, ударилась головой и плечом, чувствуя, как вся кровь прилила к лицу, сжимая в руке ведро за пластиковую ручку, я быстрым шагом подошла к наглому ублюдку и плеснула мыльную воду в его лощенное красивое лицо. И от ужаса, что осмелилась такое вытворить, выронила это ведро на пол, оно с грохотом покатилося и пару секунд раскачивалось на полу из стороны в сторону, а я отсчитывала удары своего сердца. Перевела взгляд на мужчину и судорожно втянула воздух. Он медленно вытер лицо тыльной стороной ладони.

И с ревом поднялся во весь рост, сдавил мои руки и рывком дернул меня к себе. Стало жутко, я даже хотела заорать, но меня парализовало каким-то первобытным ужасом только от одного адского блеска карих глаз испанца. Он ненормальный. Мне надо было уходить отсюда в самом начале. Не разговаривать. Просто бежать, когда Лена вошла сюда. Что ему от меня надо? Почему он издевается надо мной? За что? Он ведь совершенно меня не знает. Или нашел девочку для битья?

Испанец схватился за мой фартук и рванул его вниз вместе с пуговицами от платья, бретельки жалко повисли, а пуговицы посыпались бусинами на пол, ворот распахнулся.

– И лифчик ужасный! – дернул мой бюстгальтер вверх в попытке обнажить грудь, но я уперлась руками ему в плечи, изо всех сил пытаюсь вырваться. Я уже начала понимать, чего он хочет, и меня это напугало до такой степени, что от паники начало холодеть все тело.

– Отпустите! Немедленно меня отпустите! Зовите вашу полицию, портье, кого хотите!

Но он меня не слышал, он смотрел на мою грудь, и его сжатые челюсти двигались от напряжения.

– Я буду кричать! Я сама вызову полицию, не смейте ко мне прикасаться!

– Будешь кричать... Это точно... Я тебе обещаю... Подо мной всегда кричат...

Схватил пятерней за грудь, жадно сминая, грубо, до боли, но я изловчилась и со всей силы ударила его по лицу. На смуглой коже вспыхнули алые отпечатки от моих пальцев.

– Ах ты ж сука!

С рыком испанец заломил мне руки за спину и толкнул на кресло, наваливаясь сверху, переклоняя меня через спинку, я брыкаюсь ногами изо всех сил, но он зажал их коленями, обездвигивая и придавливая всем весом к спинке.

– Да, лифчик и трусы ужасны, а вот то, что под ними, я бы попробовал.

– Зачем? Отпустите меня... чего вы хотите? Стих? Я расскажу этот проклятый стих, любой стих. Только не прикасайтесь ко мне!

Но ему явно было уже наплевать на стихи и на что-либо еще. Его глаза хищно сверкали, рот скривился в оскале, а ноздри раздувались то ли от ярости, то ли от возбуждения. Я раздрадила его, взбесила настолько, что он потерял контроль. И черные глаза невыносимо жгут мою кожу. Я не должна бояться. Он ведь заметность, он... футболист с именем. Такие ведь не могут быть насильниками, да? Он ведь не маньяк, и ночью у него были девушки... О Боже! Это ведь не может произойти со мной здесь и сейчас.

– Поздно читать стихи, чика, – голос хриплый, срывающийся, – я тебя еб***ть буду. Так у вас, кажется, говорят.

Его член упирается мне в живот, я чувствую его пахом, и меня дергает от напряжения, от желания сбежать, спрятаться, вырваться из его сильных и цепких рук.

– Я не хочу. Я замужем. Не трогайте меня! Отпустите! Зачем? Я мужа люблю. Я ему всегда верная была. Отпустите! Пожалуйстааа, – и на глаза слезы навернулись, мне до ужаса страшно, так страшно, что кажется, я сейчас умру.

– Потрахаемся и отпущу. Любая на твоём месте рада была бы. Тебе понравится! Не ломайся! Не набивай себе цену!

Он сломал сопротивление и сунул руку под мою юбку, добираясь до трусиков. Лицо так близко, глаза горящие, рот приоткрыт и дышит хрипло, тяжело. Красивый и жуткий одновременно.

– Ты ведь за этим и под машину прыгала, и сюда пришла, да? Чтоб я тебя отымел, засунул тебе поглубже по самые гланды, да? Отодрал по-настоящему. Как там у вас меня называют – «испанский жеребец»? Так бы и сказала, а не игралась в случайные встречи.

– Нееет! Я не хочу! Вы мне противны! Омерзительны! Я буду кричать! Вызову полицию! Все узнают, что вы насильник! Зачем вам такой позор?

Он расхохотался мне в лицо и потянул трусики на себя, заставив их затрещать, а меня зайтись от паники.

– Мои адвокаты уделают тебя на раз-два-три, малышка. Но зачем же такие крайности? – я снова дернулась всем телом, приготовилась заорать, но он накрыл мой рот ладонью, и его лицо исказилось от злости. – Хватит играть, бл*дь! Давай раздвигай ноги!

Я укусила его за ладонь с такой силой, что ощутила привкус крови. Он тут же инстинктивно ее одернул. Поднял голову и посмотрел на меня. Злой, возбужденный, похож на хищника, готового вгрызться в свою добычу. И взгляд сверкает злостью и похотью. Адский взгляд, я не подозревала, что человек может настолько выражать свои эмоции взглядом. Я, тяжело дыша, уперлась руками ему в грудь.

– Пошел к черту! Я не играюсь! Отпустиииииии! – изо всех сил попыталась его оттолкнуть. Но испанец вдруг схватил меня за шиворот и опрокинул навзничь на само кресло, наваливаясь сверху, придавливая мускулистым тяжелым телом. Так жутко мне еще никогда не было. И никто не был ко мне так близко, кроме Димы. Такого звериного натиска я никогда не испытывала, как ужаса от чувства необратимости.

– Хочешь поиграть в такую игру? Разозлить меня? Хочешь, чтоб я тебя драл насильно? Хорошо, сука. Ты хочешь так – будет так. Я никогда не отказываю женщинам.

Его взгляд стал еще злее и вспыхнул голодом, вспыхнул чем-то первобытно-опасным. Он косо усмехнулся и наклонился ко мне, чтобы силой укусить за нижнюю губу. Но я дернулась назад и ощутила языком кровь на губах. Испанец, просунул колено между моими ногами и придавил одну ногу за колено к дивану.

– Нет! – впилась ногтями ему в шею, раздирая кожу. – Нееееет!

– Да! Сучка! Да! Ты сама на это напросилась, ползая здесь и виляя своим задом! Все вы здесь такие... я заплачу. Хватит ломаться! Это входит в обслуживание номера. Можно подумать, ты об этом не знала.

Глава 5

Я изловчилась, потянулась рукой к вазе, стоящей на стеклянном столе, и пока ублюдоков возился с ширинкой, схватила за узкое горлышко и изо всех сил ударила его по голове. Ваза разлетелась на осколки, рассыпалась вдребезги, а футболист обмяк на мне, уткнувшись лицом в мою грудь. Я силой оттолкнула его от себя и увидела, как он сполз на пол. Некоторые осколки от вазы окрасились в красный цвет, и я от ужаса закрыла рот рукой, пятась назад, одергивая подол платья и всматриваясь в неподвижные черты испанца. Мне потребовалось время, восстановить дыхание и прийти в себя. Пальцы стали ледяными и непослушными. Я дышала громко и прерывисто. Ступор прошел, и я поняла, что должна немедленно убираться отсюда. Откашлявшись, привстала, опираясь на руки и посмотрела на испанца. Он лежал без сознания. Черные волосы растрепались, и по лбу стекала тонкая струйка крови. И я вдруг испугалась до полубоморока, до панического паралича, и тошнота подкатила к горлу, встала комом. О Боже! Если я его убила?! Или смертельно ранила?! Божееее!

Склонила над ним и прислушалась к дыханию – дышит. Вскочила с пола, схватила со стола пластиковую карточку, открыла номер и выбежала в коридор. Мои вещи оказались запертыми в шкафчике, а ключи я должна была взять на перерыве у администратора. Хорошо хоть кофта с собой осталась. Лена сказала, что придется убирать на балконе, а уже прохладно. Застегнув кофту по самое горло, я выскочила на улицу в униформе. Мыслей о деньгах уже не было. Был только дикий ужас и понимание, что как только испанец придет в себя, он меня просто уничтожит. Высокомерный, непривыкший к отказам сукин сын. Насколько красивый, настолько же и прогневший от вседозволенности. Даже не знаю, как могла восхищаться им... он мерзкое и похотливое животное.

И как я вернусь ни с чем домой? Как расскажу все Диме? Он же с ума сойдет, еще победит морду бить испанцу. Побежала к автобусной остановке, как раз приехал мой автобус. Щеки все еще пылали, и дрожали руки. Я села на сиденье у окна и уткнулась лбом в стекло. Меня трясло и подбрасывало, как в лихорадке. Болели запястья, болели ребра, и дико жгло щеки. Так, словно по ним отхлестали.

Что я сделала не так? Как повела себя? Чем спровоцировала его? Вызвала этот приступ ярости и похоти? Почему он решил, что со мной можно и я буду не против? Какое право он имел так со мной поступить... И зверская обида. Наверное, потому что понравился с первого взгляда, потому что казался красивее всех, кого я когда-либо видела. О внимании такого мужчины можно только мечтать, о нем грезить, фантазировать... а на самом деле такие, как я, для них ничто. Прожигатели жизни, порождения дьявола в нашем мире, пользующие женщин, превращающие их в свои подстилки, готовые на все за ласку таких известных пожирателей плоти и души. Типа одноразовой салфетки – передернул в нее и забыл. Салфетка не имеет права возмутиться и отказать. Я оказалась несговорчивой салфеткой, и меня решили порвать, окунув вначале в самую грязь.

Позвонила в дверь – мне открыла Аня, и тут же улыбка пропала с ее лица.

– Что случилось?

– Ничего!

Я зашла в квартиру, с трудом сдерживая слезы. Дима тут же выбежал мне навстречу.

– Ну что? Тебе заплатили за первый день?

– Я...я ушла оттуда, Дим... меня там..., – всхлипнула и закрыла лицо руками, – меня там чуть не изнасиловали. Я сбежала.

– Что?! – рывкнул Дима, и я тут же проглотила слезы, приготовилась удерживать его от опрометчивых поступков. – Да я...

– Нееет, не ходи туда. Не надо... все. Я ушла. Это опасный человек, и... и он может сделать с тобой что угодно. Он иностранец. У него связи и деньги... немеряно много денег. От таких надо держаться дальше и...

– Что ты сказала? Чуть не изнасиловал? – окинул меня презрительным взглядом с головы до ног. – Я б тоже решил, что тебя можно. Ты нарочно это платье надела, чтоб жопой светить и сиськами? Расхаживала вот так перед мужиком, вот он и набросился! Надо было орать и жаловаться! Надо было заставить его заплатить, а не сбегать!

– Как? Он набросился на меня... набросился, понимаешь? Он меня давил и сдирал одежду!

Я еще не понимала, что Дима и не думает защищаться и куда-то идти, он обвинил во всем меня.

– Набросился на нее. Давай беги обратно в свой отель, вызывай ментов и подавай заявление, а потом заставим его заплатить тебе. Ты представляешь, сколько бабла можно срубить с этого иностранца за насилие?

– Я не могу туда вернуться!

– Чего это?

Дима с яростью посмотрел на меня.

– Это шанс и наказать ублюдка, и поиметь деньги.

– Я... Я его ударила вазой. Он без сознания... и в крови.

– БЛ*****ДЬ! Чтоооо? Чтооооооо!/? Ты ударила его и... твою мать, что ж ты такая идиотка, что ж ты дура такая беспросветная? К нам теперь менты могут нагряться или дружки его? Пиз**ц! Что ж за... что за идиотка!

Он толкнул меня в грудь так, что я отлетела к стенке, и выскочил на лестницу с сигаретой.

– Дура! – выкрикнул еще и оттуда. – Женился на своей голове!

– Тат..., – Аня дотронулась до меня, но я повела плечами и бросилась в ванну. Заскочила внутрь и, закрыв дверь на щеколду, разрыдалась. Ничего не видя перед глазами, забралась в ванну.

Я терла себя мочалкой и вспоминала перекошенное лицо иностранца, его горящие глаза и бездну безумия в ней. А потом разочарованное и полное презрение лицо своего мужа. Наверное, это и все, чего я заслуживаю – только такое отношение от мужчин. Один толкает и оскорбляет, другой пытается взять силой. А ведь я никогда не была гулящей. Хранила себя для одного единственного. Кроме Димы никого у меня и не было. Меня воспитывали в строгости. Отец всегда говорил, что, если принесу в подоле, лично мне голову свернет, а мать водила на проверки к гинекологу.

Глупая... мне надо было уйти. Пусть бы он вызвал портье, пусть бы Лена осталась. И ничего бы не было. Ничего б не произошло, максимум получила бы выговор. А я, идиотка, нашла приключения на свою задницу. Я, и правда, сама виновата.

И первый день работы превратился в сущий ад. Меня все еще трясло от пережитого ужаса. Меня сочли легкодоступной шлюшкой, которой можно потом заплатить. Согласной на все. Дешевкой, побирушкой, воровкой. Бросила затуманенный взгляд на свое нижнее белье, сваленное в кучу на стиральной машинке – а он прав. Нет у меня нового кружевного белья. Китайский трикотаж по дешевке, купленный на вещевом рынке, как и обувь, как и все остальные вещи. И я никогда не задумывалась об этом. Мне никогда не было стыдно. Отец говорил мне, что лучше быть нищей кошельком, чем обделенной сердцем. И что не в этом счастье. Мы всегда жили скромно. У меня не было никаких высоких запросов.

И таких вот, как мы, за версту видно... над такими можно издеваться, можно хамить, обижать. Ведь нет денег и связей за себя постоять.

– Тат, где твой сотовый, у меня кончились деньги, и надо маме позвонить, чтоб с Гошкой посидела. – Тат, дай телефон, а?

Я посмотрела на серую униформу, на кофту, соскользнувшую на пол, и у меня внутри все похолодело. Сотового я не видела уже давно... Я закрыла его в шкафчике вместе с вещами. Он остался в гостинице.

– Ань... я, кажется, его потеряла.

И заревела в голос, тыкаясь лбом в кафель и чувствуя, как бьют по лицу капли горячей воды.

***

Аня успокаивала меня и отпаивала чаем с липой, гладила по руке, а я обнимала Гошку, целовала пушистые волосики и старалась унять дрожь во всем теле. Дима куда-то ушел... но я сейчас была этому рада. Я не могла бы с ним спокойно говорить. Меня слепило от обиды и какого-то странного ощущения, что он от меня далекий... что в какой-то момент мы стали чужими, и я не заслужила от него защиты и утешения.

Успокоившись, я переделалась в Анины вещи, подкрасила припухшее от слез лицо и пошла в банк. Возможно, мне удастся выбить кредит под залог квартиры. Я расплачусь с долгом Димы, и все наладится. Все станет на свои места, я начну посещать консультацию и думать о деточке.

Я не сразу поняла, что говорит мне банкир с золотым значком с именем и фамилией на черной рубашке.

– Что? Простите, я не поняла

– Я говорю, что еще месяц назад ваше дело отправлено к судебным приставам. Вам нужно обращаться именно к ним и улаживать с ними все вопросы по поводу вашего долга по ипотеке.

– Какого долга? – я все еще по-дурацки улыбалась, глядя на парня и совершенно не понимая, что он мне говорит. – Вы меня с кем-то путаете. Посмотрите у себя – Татьяна Михайловна Васильева. Мне платить осталось меньше полугода.

– Татьяна Михайловна, ежемесячные взносы не поступали на ваш счет с начала прошлого года. Вместе с процентом вы должны банку...

Он назвал сумму, и у меня закружилась голова, я почувствовала, как отъезжаю и все плывет перед глазами.

– Мы несколько раз присылали запросы.

«– Дим, а что там пришло в ящике? Из банка, кажется?»

– Да то херня. Платежка. Присылают квитанции.

– Ааа. Сколько нам там осталось?

– Меньше восьми месяцев, киса. Мы крутые!»

– Дело передано в суд. Вам нужно как можно быстрее обратиться вот по этому адресу, иначе к вам нагрянут с описью имущества...

Я его уже не слышала, взяла бумажку и, шатаясь, встала с кресла.

– Вам плохо? Хотите воды?

Отрицательно качнула головой, потом обернулась к банкиру, который участливо и даже с сочувствием на меня смотрел.

– Скажите, ааа Дмитрий Олегович Кузнецов, разве он не переводил эти деньги со своего счета на мой?

Банкир осмотрелся по сторонам, потом шепотом сказал.

– Его счет давно арестован.

На улицу я вышла в адском тумане, ничего не соображая и с ужасом понимая, что у меня теперь и квартиры нет... и Дима. Он меня обманул. Подло. Отвратительно. Какие бы причины у него ни были, это низко – столько времени мне врать.

Я обессиленно опустилась на скамейку, сжимая бумажку с адресом в руке и глядя на мокрый асфальт. Не чувствуя, как начался дождь.

Я даже не обратила особого внимания, когда перед моими глазами появились красные туфли-лодочки на высокой шпильке. Они обошли лужу и остановились напротив меня.

– Простите... Таня, кажется?

Медленно подняла голову и в недоумении посмотрела на холеную кукольную блондинку с яркими чертами лица и выпуклыми губами.

– Вы кто?

– Я... – она нервно обернулась по сторонам, – я случайно услышала, что у вас большие долги и неприятности. Я могла бы вам помочь.

Она говорила вычурно, гламурно, так разговаривают модели и актрисы. Женщины из другого измерения. И я не понимала, что она делает напротив меня в своем тоненьком безумно красивом кашемировом белом пальто, красном платье и красных лаковых туфельках. Позади нее стоят два огромных шкафа, сложив за спиной руки.

– Помочь?

– Да. Помочь. Давайте поговорим, здесь неподалеку есть кафе. Заодно переждем дождь. Кафе? У меня денег нет даже на метро, о каком кафе она вообще говорит.

– Я за все заплачу, – тут же поспешила заверить меня блондинка, – так вам нужна помощь?

Глава 6

Мы сели в маленькой безлюдной кофейне, и от умопомрачительного запаха свело голодный желудок. Я не помню, когда ела в последний раз. Но аппетита нет и не предвидится совершенно. Все мысли только о Диме, о его лжи, о раненом мною футболисте и о деньгах.

Да, о проклятых деньгах. Каждую секунду я думаю о них. Нескончаемо, лихорадочно. Когда все в жизни зависит только от них... думать больше не о чем.

Блондинка грациозно села за столик, ее зонтик тут же забрали, и она поправила свои ослепительные волосы, улыбнулась официанту. Потом повернулась ко мне.

– Что будешь пить?

– Чай с лимоном, если можно.

– Принесите чай и мне латте макиато без сахара.

Я даже названия такого никогда не слышала. Да и к черту названия, я вообще не понимаю, что делаю здесь с ней и зачем поехала в это кафе. Наверное, человек от отчаяния способен на странные вещи.

– Таня, я слышала, что у тебя серьезные проблемы и...и даже, прости, услышала сумму, в которой ты нуждаешься. Я на «ты», ладно?

Равнодушно кивнула. Все это мне вдруг начало походить на какой-то «развод». Я осмотрела зал в поисках придурков с камерами или еще чего-то настораживающего. Но кроме ее охранников в кафе никого не было. Только вдалеке за столиком какая-то пара.

– Послушай... знаю, что мое предложение покажется странным и, может, даже неприличным...

Я посмотрела на ее лицо с идеальными чертами, шикарным макияжем и совершенно не понимала, что именно мне может предложить такая женщина.

– Ладно, скажу вкратце. У меня есть разногласия с мужем, и их решило бы мое незамедлительное материнство. Но...но у меня с этим есть некоторые проблемы. И забеременеть так быстро, а то и вовсе забеременеть, я не могу. Я дам денег, а ты родишь мне ребенка.

– Предлагаете стать суррогатной матерью?

– Нет, переспать с моим мужем, родить, а младенца отдать мне. Так, чтоб мой муж не узнал об этом. И все будут счастливы. Ты с деньгами, а я со своим мужчиной.

В этот момент принесли мой чай и ее латте. Я тут же сделала глоток и обожгла язык. Ее предложение звучало, как дичайший абсурд.

– Я заплачу тебе столько, сколько надо для того, чтоб ты вылезла из долгов и еще сверху, чтоб было на что жить дальше.

– Зачем вам я? Сейчас есть суррогатное материнство и...

– Не важно зачем. Я не исповедоваться пришла, я хочу купить у тебя ребенка. Ты продашь его мне за ту сумму, которую назовешь сама.

В этот момент ее лицо стало неприятным, похожим на морду какого-то зверька, то ли куницы, то ли сурка. Губы в тонкую полоску не сжались, видимо, были подкачаны, и она просто их поджала бантиком. Потом спохватилась и расплылась в улыбке.

– Суррогатное материнство не решит моей проблемы. Ни ЭКО, ни что-либо еще, где нужно участие двоих. У нас проблемы... – она скривилась и ударила кулачком по столу, – ... Он на это не пойдет. А мне надо его удержать. Мне нужен ребенок... ты знаешь, что такое любовь? Ради нее пойдешь на что угодно. И я готова пойти ради своего мужчины.

– Я вряд ли вам подойду. Я замужем и... этот способ мне не подходит. Что я мужу скажу?

– Ну и что? Все можно обыграть, и твой муж ничего не узнает. Он же обманул тебя, я слышала, а ты его... Выносишь, потом скажешь, что ребенок умер, делов-то.

Она пожалала плечами, как будто предложила мне продать ей свои сережки или мебель. Мне вдруг стало неприятно находиться с ней рядом, неприятно осознавать, что она с такой легкостью предложила мне чудовищный обман, самый чудовищный из всех, что можно себе представить. Я резко встала с кресла.

– Нет... я не могу. Я никогда не продам своего ребенка, я никогда не пересплю с чужим мужчиной. Вам нужно найти другие варианты решения проблемы... это как-то неправильно.

Хотела направиться к двери, но она удержала меня за руку.

– Никогда не говори «никогда», детка. Понимаю, что предложение дерзкое, скандальное, но, поверь, для меня это единственный выход... как и для тебя. Никто не даст тебе таких денег никогда. Не торопись... возьми визитку, – сунула мне в руку карточку, – позвони, если решишься.

– Я не решусь. Найдите кого-то другого.

Никогда я не решусь на это. Она сумасшедшая и... и почему решила, что я способна на такое пойти ради денег? Что со мной не так? Как я выгляжу, что мне предлагают такие чудовищные вещи. То этот ублюдок-знаменитость, то эта размалеванная инстаграмная красавица.

Домой к Ане я ехала в переполненном автобусе в каком-то ступоре. Я не знала, что мне теперь делать... не знала, как говорить с Димой-лжецом и... что теперь с нами будет? Мой мир, выстроенный в идеальную семью, где все счастливы и жена лепит пироги по воскресеньям, а муж гуляет с детьми во дворе, вдруг стал выглядеть совершенно иначе... Он попросту исчез. Его не стало... как и нашей квартиры, из которой нас вот-вот выселят. Как он мог так подло мне лгать? Каааак?

Меня скручивало от боли и от отчаянья, от полной растерянности и неизвестности. Едва мне открыли дверь, как я набросилась на Диму, я схватила его за шиворот и закричала, глотая слезы:

– Куда ты дел все деньги, Дима? Зачееем лгал мне?

Вначале он опешил, пытался меня оттолкнуть, пятился назад.

– Ты же... ты же их проиграл, да? Все это время ты спустил мои деньги? Ты... ты родительскую квартиру просто проиграл... да? Все наши деньги... ты обокрал меня, Димаааа! Нас обокрал!

– Я все объясню... все объясню. Так получилось. Я бы все вернул. Эй! Успокойся! Прекрати истерить! Ты че?!

– Что вернул? Чтооо? – меня било в истерике, я не могла успокоиться. – Тыыы... ты же обещал, что расплатимся и... и ребёночка родим... тыыы...

– Какого ребёночка? Какая из тебя мать? Ты на работе и дня продержаться не можешь!

– Ты... я больше не хочу с тобой жить! Я хочу развестись! Хочу...хочу сама жить!

– Сама? – впился мне в плечи и сильно тряхнул. – Значит, когда я в дерьме, сама хочешь жить? А когда жрала за мой счет, не хотела?

– Отпусти... я сейчас же уйду! Ты сам этого добивался, когда врал мне! Сам разбирайся со своими проблемами... сам! Ты... ты лгал мне, лгааал!

– Да! Бл*дь, лгал! Чего орешь, сучка?! – и ударил меня по лицу так, что я отлетела к стене. – Проиграл и перед тобой отчитываться не намерен! Не пойдешь никуда. На работу устройшься, и долги выплачивать будем! Орет она!

Аня выбежала с Гошей и громко закричала, стала между нами, но Дима уже опомнился. Его лицо приобрело осмысленное выражение, а я закрылась руками и сжалась в комок возле стены. Потом он резко вышел на кухню, а Аня подошла ко мне, опустила на корточки.

– Ты... ты как? Божеее... он совсем с ума сошел. Это безденежье кого угодно сведет с ума. Подожди, я малого в манеж посажу, и выйдем на балкон. Вам обоим надо успокоиться.

Она закурила, а я приложила лед к синяку на щеке и закрыла лицо руками, чувствуя себя совершенно опустошенной и разбитой. Вспоминались слова мамы... «Один раз ударил – значит, ударит снова!». Что мне делать теперь? Кому верить?

– Шурка тоже иногда злится вот так... молчать в этот момент надо, под руку не кидаться.

– Он все наши деньги проиграл. Квартиру... ее заберут судом. Он за нее не платил.

По щекам покатались слезы. Вспомнились похороны отца и то, как родители мечтали, что у нас будет своя квартира... внуков помянчить. Мечтали, чтоб я была счастлива. И в погоне за этим счастьем я ведь что-то упустила... а теперь могу только рыдать и прикладывать лед к синяку.

– Да... жуть. Совсем с ума сошел, я ж говорю. Еще и долги тебе на голову свалятся. Квартира ж на тебя записана.

Я раскачивалась из стороны в сторону, ничего не видя из-за слез.

– Я...я... мне сегодня такое предложили... такое. Мир действительно с ума сходит.

Рассказала Ане про ту женщину и про ее предложение, а сама словно видела перед собой ее лицо, то, как плечами пожимала снова и снова, и руки ее холеные с маникюром и длинными, острыми ногтями. Кто-то о ребенке всю жизнь мечтает, а кто-то может просто его купить...

– Охренеть! Так и сказала – купить ребенка?

Я кивнула и взяла у нее сигарету. Сделала затяжку и вернула, закашлялась. Никогда не курила, и всякий раз, когда пыталась, душил кашель.

– Я отказалась...

– Понятно. У богатых свои причуды. Надо же... купить ребенка. Ааа с Димой, что думаешь? Поговорить бы вам обоим. Я вечером предложу Шурику с малым к маме съездить. Втроем. А вам бы наедине все спокойно обсудить.

– Нет! Я домой пойду... Не останусь здесь больше.

– А коллекторы? Встретят еще и тебя изобьют!

– Не изобьют. Это не мои долги. Я с ним не останусь. Он мне так подло лгал... Ань, как же это подло. Я верила ему!

Дверь балкона резко открылась, и я увидела Диму. Он бросился ко мне, пытаясь схватить в объятия.

– Таточка... ну прости. Прости. Бес попутал. Прости, моя девочка. Ну проиграл... проиграл. Мы что-то придумаем... Таткаааа!

Оттолкнула его от себя, уворачиваясь, выскочила с балкона, подхватила на ходу сумочку.

– Таткааа! Ну куда ты пойдешь? Там опасно!

– С тобой не лучше!

Пошла к двери, но он хватал меня за руку, пытался остановить, выскакивал вперед и на лице раскаяние, страх и... и что-то мне непонятное. Мне вообще сейчас казалось, что я этого человека никогда не знала.

– Не делай глупости. Ну хочешь, я себе руку отрублю? Хочешь, суну ее в огонь? Таточка моя!

Но мне надо было побыть одной. Успокоиться, остыть. Он еще долго кричал что-то вслед, а я поймала такси на последние деньги, которые прятала на черный день у Анны. Кажется, для меня эти черные дни уже настали.

Таксист привез меня к самому подъезду, я расплатилась и, кутаясь в плащ, пошла к двери подъезда. У обочины стоял черный массивный автомобиль с тонированными стеклами, я никогда не разбиралась в марках машин. Только отметила, что машина красивая. Вытирая слезы на ходу и роясь в сумочке в поиске запасных ключей, которые мы держали у Ани с Сашей, поднялась по ступенькам. Едва собралась набрать код от домофона, на мой рот опустилась чья-то рука в перчатке. Я даже закричать не успела. Меня куда-то волоком потащили, легко

приподняв, как пушинку. От ужаса все тело парализовало, и я не могла закричать, рука крепко зажимала мое лицо, мешая дышать. Меня швырнули на кожаное сиденье, хлопнула дверь, и автомобиль с ревом сорвался с места.

Глава 7

Он посмотрел на часы со сверкающими по кругу циферблата мельчайшими алмазами и тихо выругался. Долго везут, ублюдки. Сколько там должно занять времени, схватить эту дрянь и доставить в клуб.

У него трещит голова, и шов слегка кровоточит. Но ему плевать. Тело привыкло к травмам, ударам, переломам. Прошелся по полутемному VIP помещению с зеркальным потолком, отражающим темно-синий пол из начищенного до блеска мрамора. Бросил взгляд на цветы, стоящие в огромной красной бархатной коробке, и ощутил, как покалывает ладони.

Он не помнил подобного ощущения с того момента, как впервые должен был встретиться с тренером, от которого зависела его дальнейшая карьера. В груди что-то печет, сжимает ее тисками. Он пока не решил, чего хочет от строптивой русской девки. Однозначно наказать... Он еще не придумал, как именно, и понять не мог, что ж его в ней так зацепило. Еще там на дороге. Посмотрел в широко распахнутые глаза, так напоминающие голубые опалы, прозрачные, чистые, удивленные, и ощутил впервые это странное жжение под ребрами. Какой-то чудовищный азарт, желание схватить и держать рядом. В ее зрачках испуг, а у него ощущение, что ему глубоко насрать, что там в этих глазах. Он хочет в них смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.